ОТМѢТКИ ИЗЪ СКАЗОКЪ И ПРѢДАНІЙ ВЪ НАРОДѢ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ,

В. И. Даля.

Отецъ Ильи, Иванъ Тимовеевъ; мать, Ефросинья Яковлева. Онъ сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣх дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ. Когда странники его отпоили *), то онъ сказалъ: «Кабы мнѣ столбъ съ кольцомъ въ небо утвердить, я бы землю съ мѣста поворотилъ», и этой-то силы ему поубавили.

Илья на печи, подъ собою, яму протеръ, такъ, что видна была только борода съ головою, да и та все ныряла; онъ день и ночь молился, поклоны клалъ. Сидя на печи, онъ слышалъ не разъ въсти про Соловья разбойника, который промежъ Кіева и Чернигова дорогу залегъ; Илья

^{*)} См. 1-ю пѣсню 1-го разряда, Сказки въ Приложеніяхъ и Воспоминанія К. С. Аксакова.

задумывался, вздыхалъ и распрашивалъ объ этомъ дѣлѣ странниковъ. «Чего тебѣ до него, дитятко?», говаривалъ отецъ — и Илья замолкалъ, но во снѣ и на яву все во очью видитъ Соловья разбойника: и молиться не даетъ, окаянный. — Есть одно преданіе, которое говоритъ, что Илья всталъ, когда возгласили въ церкви Христосъ Воскресъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Коня богатырскаго Илья купиль у Корачаровскаго дьячка, шелудивымъ жеребенкомъ, за три деньги, вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утренникахъ, и вывалялся жеребеночекъ конемъ богатырскимъ; ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу (пшеничку кукурузу), пьетъ одну росу утренню.

Пытая мечи булатные, Илья сокрушаль рукояти ихъ, сжимая въ кулакѣ; кинулъ онъ мечи эти бабамъ лучину щепать, а самъ выковалъ себѣ, изъ трехъ полосъ булатныхъ, три стрѣлы, закаливъ ихъ въ утробѣ матери сырой земли.

Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго въ Кіевъ, на богатырскіе

подвиги, а Иванъ Тимоееевъ недовърчиво усомнился, TO онъ, созвавъ понытыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечемъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега подъ Оку; Муромомъ ВЪ завалилъ русло указываютъ старое понынъ засыпанное Ильею. Тогда родители благословили, наложивъ однако заклятіе ъхать не на Черниговъ-градъ, гдъ залегъ Соловей, а объъхать на Кіевъ околицею; и, второе, не проливать напрасно христіанской крови, людей не обижать.

Илья, на прощанье, пустиль корочку хлѣба по Окѣ рѣкг, за то, что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли.

Пустившись въ путь, Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ исподъ копытъ богатырскаго коня живой ключъ ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часовенка, во имя пророка Иліи. — На родникъ этотъ понынѣ медвѣдь ходитъ, испить водицы, понабраться богатырской силы.

За другимъ ускокомъ, Илья, на перелетъ черезъ Муромъ, снялъ шапку и перекрестился, супротивъ Троицкаго монастыря; а за третьимъ ускокомъ, очутился уже подъ лъсами Брынскими.

Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что расщепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенья ножевые, Илья наѣхалъ оставъ, костякъ богатырскій, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который — гдѣ-то — и теперь стоитъ.

Затѣмъ, онъ освободилъ Канешму отъ Литвы, за что князъ Кишенемскій и всѣ жители, кумирники, обратились въ Христіанство. Также освободилъ онъ Черниговъ, бывшій въ осадѣ, и, полонивъ Соловья—разбойника на перепутьи, явился въ Кіевъ, на широкій княжій дворъ, къ вечернѣ того же дня, въ который отстоялъ утреню въ Корачаровѣ.

У Владиміра, ласкова князя Солнышка, было сотлованье, почестной пиръ, и рѣчь шла о Соловьѣ разбойникѣ, который много народу перегубилъ; въ это время докладываютъ, что чужой дѣтина пріѣхалъ,

Соловья въ торокахъ привезъ. «Прівзжій дътина кръпко завирается, коли Соловьемъ торокахъ похваляется», рѣшили богатыри, И пошли всъ, застольные княземъ великимъ И съ княгиней Апраксъевной, на княжье широкое крыльцо. Тамъ увидали Соловья, сыромятныхъ путлицахъ, въ торокахъ; онъ однимъ глазомъ на Кіевъ, другимъ, по старой привычкъ, на Черниговъ глядълъ; мѣшкомъ, травянымъ согнутъ корчагою. Илья сказываетъ князю похожденія свои; девять сыновъ ИЛИ зятьевъ Соловья, спасаясь Ильи, отъ обратились въ вороновъ, съ желъзнымъ живутъ понынъ. клювомъ, И прискакалъ гонецъ исподъ Чернигова, съ освобожденіи его объ вѣстію Ильею. котораго повели почетно на княжій пиръ, и проч. Илья побратался съ Добрыней, съ Алешей Поповичемъ дружно жилъ; съъзжался съ Кальчищемъ перехожимъ, съ которымъ у дьячка Корачаровскаго вмѣстѣ грамотъ учился; онъ-то надоумилъ Илью, Полканище, чудище Полканъ что

Полкановичъ, въ Кіевѣ людей поѣдаетъ, по туриному, жвачку жуетъ. Илья обмѣнялся одежей съ Калъкой и самъ, побираясь, прошель въ Кіевъ, быль принятъ, какъ нищій, въ княжьихъ палатахъ, гдв засталъ Полкана у полдника: ему подавали цѣлаго быка за разъ, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Стоя скромно у печи, Илья сказалъ ему пословицу: «У моего у сударя, у батюшки, была прожорлива кобыла, да не нажила: разорвало ее, волчью сыть.≫ Полканъ обругался, прибавивъ: – Каковъто у васъ былъ Илья Муромецъ, я бъ на него поглядълъ, и ТОГО бы бы прикрылъ, такъ только мокренько стало. — «А воть онь каковь», отозвался Илья, ударивъ Полкана шляпою Калѣки перехожаго по головъ: и вогналъ ему голову промежъ плечъ, раскололъ на двое псабогатыря.

Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и ухомъ не слыхать было; Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго-

орла, — но въстей объ Ильъ болъе никакихъ. Куда онъ дъвался, не говорится ни въ сказкахъ объ немъ, ни въ пъсняхъ*).

В. ДАЛЬ

*) Я слышаль слѣдующій разсказь о кончинѣ Ильи. Ѣздиль онь съ Добрыней и Алёшей, наѣзжаль на диво-Невеличку, поборолся, Невеличка помяль ему бока, такъ что Муромецъ крякнуль: «невелика, говорить, птичка, а носокъ востёрь!» Покончивши съ нимъ, только что двинулись дальше: стоитъ каменный гробъ, безъ крышки. «Полѣзай», говорять Алёшѣ; Алёша влѣзъ: гробъ ему великъ. Попыталь Добрыня: гробъ ему узокъ. «Видно гробъ по мнѣ», сказаль Муромецъ и влѣзъ, снявши доспѣхи: откуда ни возьмись каменная крыша, захлопнула его накрѣпко. Кричить оттуда Илья, крышу силится своротить, крыша не подается. «Берите мой мечъ-кладенецъ, рубите имъ!» Мечемъ ударили, — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали. «Рубите обручи!» — Рубятъ, — а ихъ стало четыре, потомъ шесть. «Пришелъ мнѣ конецъ», послышался голосъ Муромца: «прощайте, товарищи!» Раздѣлилъ онъ богатырямъ доспѣхи, разрядилъ все по завѣщанью, гробъ назначилъ гдѣ поставить, велѣлъ приходить на него молиться, и замолкъ. — П. Безсоновъ.